

Пролог

В пещере складника пахло магией и смертью. Следы когтей на грязно-серых стенах коридора, ведущего в пещеру монстра-отшельника, только добавляли жути. Нельсон Марлоу, проходимец из Стоунпорта, осторожно подступил к неровному ряду отметин. Кто их оставил? Складник, для устрашения непрошенных гостей? Или проходимец, которого угрюмый хозяин застал врасплох?..

Да нет, глупости. Человеку не под силу так камень исцарапать.

Хотя...

С трудом поборов желание развернуться и уйти, проходимец устремился к овальному проему, который служил входом в жилище складника. Стоит ли говорить, что сердце Нельсона металось по грудной клетке, словно канарейка, понявшая наконец, зачем шахтеры оставили ее в узком тоннеле?

«И дались мне эти безделушки? — думал проходимец, завороченно глядяваясь в полумрак, что царил за порогом. — Таксовал бы дальше с дядюшкой Луисом и горя не знал... но нет, вечно меня тянет на какие-то авантюры...»

Правда, Нельсон тут же вспомнил о долговой яме, куда ненароком угодил его опекун, и мотнул головой, отгоняя сомнения.

«Мы с этим разберемся, дядюшка, обещаю...»

До конца коридора оставались считанные фугты. Пять-шесть шагов, и Нельсон снова окажется в берлоге чудовища, которое больше всего на свете бережет одиночество и свои ненаглядные артефакты.

«Слово-то еще какое дурацкое — «артефакты»...

Впрочем, у каждой вещи должно быть свое название, пусть и такое нелепое.

Подступив к порогу, Нельсон остановился и хмуро уставился на «богатства» монстра-отшельника. Простой человек, вероятно, принял бы их за гору ржавого хлама, и только проходимцу было известно, насколько ценны эти неказистые на первый взгляд железяки.

Не все, но многие.

Любая из этих блеклых штуковин имела какое-то уникальное свойство; например, с помощью одних можно было двигать предметы силой мысли, а другие позволяли парить над землей, пусть и не очень долго... Казалось бы, бери любую побрякушку и пользуйся на здоровье. Но, к несчастью, имелись среди железок и «злые», те, что не баловали новыми умениями, а, напротив, отнимали старые или даже убивали незадачливых воров на месте. И — вот ведь коварство!.. — с первого взгляда понять, на что способна та или иная вещица, было в принципе невозможно. Истинную природу каждого артефакта знал, наверное, лишь складник, а он, как нетрудно догадаться, делиться этим знанием не спешил. Уж точно не с проходимцем, который явился сюда только затем, чтобы набить свои карманы его сокровищами.

Впрочем, дядюшка Луис тоже считал, что грабителей надо стрелять на месте — чтобы точно не вернулись вновь.

Нельсон окинул ближайшую гору артефактов придирчивым взглядом. Кольца, амулеты, кубки, броши... Как по-

нять, что за сила в них скрыта — злая или добрая? И что она вообще есть, эта сила?

«Хватай что-нибудь да вали, пока складник не выполз!»

Продолжая воровато оглядываться по сторонам, Нельсон опустился на корточки.

«Например, эту ящерку?»

Он протянул руку и осторожно коснулся крохотного амулета. Миниатюрная черная рептилия на тонкой цепочке — довольно своеобразное украшение; уж точно не каждая леди такое наденет.

«Хотя... если ящерка действительно умеет что-нибудь этакое, ею не побрезгует даже королева».

Поколебавшись недолго, проходимец сжал находку в кулаке и торопливо сунул в карман. Больше ничего примечательного в куче хлама Нельсон не усмотрел и поднялся, намереваясь тотчас покинуть пещеру.

Однако не успел вор и шагу ступить, как треклятый складник оказался перед ним. Нельсон понял это еще до того, как увидел морду мрачного хозяина: поток горячего воздуха из пасти обжег лицо, и проходимец невольно зажмурился. Он прекрасно понимал, что, когда откроет глаза, увидит перед собой уродливую физиономию отшельника. Страх моментально сковал тело, словно прочнейшая в мире цепь; веки налились свинцом, а язык намертво прирос к нёбу.

«Опять попался... — мелькнуло в голове. — Чертов неудачник...»

Внезапно правую кисть проходимца сжали грубые мохнатые пальцы. Вздвогнув, Нельсон торопливо распахнул глаза и открыл рот, чтобы воскликнуть что-то вроде «Стой!» или «Не надо!»... Но, прежде чем слова сорвались с языка, складник ударил проходимца когтем в самый центр ладони.

Перед глазами полыхнуло красным, и дикая боль пронзила Нельсона насквозь, точно метко брошенное копьё. Он хотел возопить, но монстр схватил его за горло мохнатой серой лапой и, плотоядно глядя на вора большими желто-зелеными глазами, прорычал:

— Ржавый ключ Доминика Орвиля. Через десять дней принесешь мне его или умрешь.

Нельсон натурально остолбенел. До сей поры он видел только двух складников. Один был помесью дикого кота и человека — необычно и даже страшно, но не до смерти. Другой имел голову черного ворона и жутко коверкал слова, что даже не пугало, а, скорей, просто раздражало...

Нынешний же складник на фоне двух предыдущих казался подлинным дьявольским отродьем. Он походил на громадного волка-оборотня, навечно застрявшего в середине трансформации, — сгорбленный темно-серый монстр, одетый в лохмотья, с вытянутой мордой, острыми желтоватыми клыками и торчащими кверху серыми ушами. Никогда прежде Нельсону не доводилось видеть столь жуткой твари. Более того — если бы знакомство с племенем складников началось сегодня, проходимец остерегся бы снова лезть в проход.

— Теперь иди, — прорычал монстр и разжал крючковые пальцы, сжимавшие глотку вора.

Нельсон поперхнулся воздухом и закашлялся. Складник, сложив лапы на груди, молча наблюдал за мучениями проходимца.

Переведя дух, Нельсон поднял голову и осторожно спросил:

— Так а что это вообще за ключ? И зачем...

— Еще один вопрос, и срок будет сокращен вдвое! — направив на проходимца указательный палец с острым темно-коричневым когтем, рывкнул складник.

Нельсон снова обмер. Проклятая черная точка жгла ладонь, но это, наверное, был лучший вариант из всех возможных, ведь теперь проходимец мог, хотя бы в теории, избежать смерти. Правда, для этого требовалось за десять дней найти загадочного Доминика Орвиля, выкрасть у него некий «ржавый ключ» (а лучше — все, что имеются, для верности) и доставить сюда...

«А там, если повезет, стащишь еще что-нибудь...»

Смерив Нельсона тяжелым взглядом, монстр махнул ладонью в сторону выхода:

— Вон!

В рыке монстра уже не было ненависти — лишь раздражение, что такой жалкий червь, как Нельсон, до сих пор оскверняет своим присутствием его жилище.

«Плевать. Главное, что он не убил и ящерку не забрал. Может, удастся выручить за нее хоть что-то...»

Не желая больше испытывать терпение складника, Нельсон торопливо устремился к выходу. Обратный отсчет уже начался — ровно в тот момент, когда на ладони появилась черная метка.

«Интересно, почему целых десять дней? — ломал голову проходимец, торопливо шагая по коридору. — Наверное, этот Доминик Орвиль живет у черта на рогах, а проклятый ключ хранит в громадном сейфе...»

Человек-ворон, когда поймал Нельсона, дал ему всего день на поиски табакерки Тима Уотсона, и бедный вор только чудом успел выполнить заказанное в срок. При этом тогда речь шла о местном бакалейщике, которого знала каждая дворняга; Доминика Орвиля мог знать разве что тощий пройдоха Скотти Риган, старый друг Нельсона.

«Надо съездить к нему, прям утром... Если Доминик живет в Стоунпорте, Скотти его точно найдет».

Задержавшись у самого прохода, Нельсон окинул свое отражение хмурым взглядом. Учтывая, что проходимцу только-только исполнилось двадцать шесть, выглядел он неважно: в угольно-черной шевелюре хватало седых прядей, мелкие морщины испещряли лоб и уголки глаз, а сами глаза, некогда ярко-зеленые, теперь казались тусклыми и безжизненными, как Стоунпорт в ноябрьское утро... Слава богу, хоть нос, и без того с детства кривой, больше ни разу не ломали. Вымученно улыбнувшись отражению тонкими бледными губами, Нельсон выдохнул и шагнул вперед — прямо в овал зеркала, где только что разглядывал свои множественные изъяны.

Сознание погасло и тут же вспыхнуло вновь. Поскользнувшись на грязи, Нельсон лишь с большим трудом устоял на ногах. Его, как обычно, слегка знобило — возвращение из логова складника всегда сопровождалось подобным недомоганием. Правда, на сей раз отсутствовала почти обязательная мигрень, но Нельсон не спешил радоваться: он знал, та еще может настичь его по пути в Стоунпорт.

«Надо бы выспаться, но некогда». Десять дней на поиски того, о ком впервые слышишь, особенно если от этого напрямую зависит твоя жизнь, это чертовски мало.

Трехколесная самоходка стояла на том же месте, где Нельсон оставил ее перед визитом к складнику; благо проходимец не стал лениться и хорошенько замаскировал машину сухими ветками. Не теряя времени даром, проходимец засучил рукава куртки и принялся разгребать завал. При этом Нельсон не забывал оглядываться по сторонам: вдруг мимо будет ехать шайка разбойников, а он треском и бранью привлечет их внимание? Да, в ящике под седлом есть револьвер, но бандиты ведь тоже не путешествуют по тракту с пустыми руками... Так что лучше уж все-таки не

шуметь и держать ухо востро. Тем более что проходимцам не пристало полагаться на отвагу и доблесть, а на ловкость и хитрость... ну и способности проходимца, конечно же, куда без них?

«Хотя вообще одни беды от этих способностей...»

Выкатив самоходку из укрытия, Нельсон бросил еще один взгляд в сторону прохода. Издали он совсем не походил на зеркало — так, обычная расщелина, притом довольно узкая. По крайней мере, обычный человек ничего удивительного в ней не разглядел бы, сколько б ни пытался.

«Свезло же мне однажды понять, что я — не обычный...»

Досадливо скрипнув зубами, Нельсон уселся в седло. Он прекрасно помнил тот день, когда, еще будучи десятилетним мальчишкой, впервые увидел свое отражение в такой же расщелине. Помнил и то, как Скотти долго не мог ему поверить.

— Раздербань меня дракон, Нельс, — фыркал он. — Я-то вижу, что это просто дыра в скале!

— Да нет же, я... Я правда вижу... себя... в ней, как... как в зеркале!..

Но Скотти только злился на друга за дурацкую шутку и в итоге, послав его к черту, сбежал домой. Нельсон, постояв недолго у таинственной зеркальной расщелины, вскоре последовал за товарищем. Тогда они еще не знали о существовании проходимцев. Лишь несколько лет спустя, повзрослевший и куда более осведомленный Нельсон все-таки осмелился шагнуть в зеркальный проем...

«...и сразу едва не столкнулся с гребаным котом!..»

Самоходка завелась с пол-оборота. С тех пор как автомобильные фабрики освоили корф, для водителей настали счастливые времена: «растворимое топливо» изменило мир и значительно его ускорило.

Нельсон нажал педаль газа, и самоходка шустро покати-лась в направлении Стоунпорта. Солнце к этому момен-ту уже высунуло из-за горизонта алый бок, и ночная тьма, дрогнув, начала медленно отступать.

Прежний, молодой и слегка наивный Нельсон наверня-ка встретил бы восход приветливой полуулыбкой... но тот Нельсон, к сожалению или к счастью, давно умер. Нынеш-ний сжимал потрепанный руль, морщился, когда цеплял черную точку складника на ладони, и хмуро глядел на огни далекого города. Проходимец ненавидел Стоунпорт всем сердцем и оставался в нем лишь потому, что дядюш-ка Луис не желал никуда переезжать.

«А ведь все могло сложиться совершенно иначе...»

Ветер взъерошил Нельсону волосы и, будто заботливая мать, которой он никогда не знал, смахнул со щеки про-ходимца одинокую слезу.

1. Утечка

— Здесь, да? — на всякий случай уточнил Томас Холтон, альбинос со светлыми, точно сено, волосами.

Мортимер Зарянски, хозяин магической лавки «Калейдоскоп желаний», отрывисто кивнул лохматой седой головой. Скуластый и носатый старик, он нервно покусывал нижнюю губу и переминался с ноги на ногу, попутно теряя морщинистыми руками полы пестрой мантии.

Мортимер и Томас стояли у двери с табличкой «Склад», за которой скрывалось хранилище волшебных ламп. Насколько альбиносу было известно, Зарянски давно успешно промышлял дешевыми джиннами... до сего дня.

— То есть, по-вашему, все джинны куда-то разом подевались? — спросил Томас.

— Ну так разве стал бы я вас иначе беспокоить мистер Холтон, я же понимаю, все мы люди занятые... но тут ведь надо разобраться, насколько все плохо! Потому что у меня вот ощущение... — Мортимер понизил голос, — что там вообще ни капли магии не осталось.

Томасу стоило большого труда, чтобы не разразиться едким комментарием в духе: «Жду не дождусь, когда она исчезнет отовсюду и навечно». К счастью, альбинос прекрасно понимал, что подобные остроты могут вызвать у мистера Зарянски обширный инфаркт с последующей смертью, поэтому воздержался от шуток.

— Открывайте хранилище, мистер Зарянски.

Томас уже примерно представлял, что почувствует, войдя на склад, — ровным счетом ничего. Не будет ни припадков от перенасыщения, ни лихорадки и судорог... да что там — даже легкого покальвания, какое случается от прикосновения к умирающему зачарованному камню... И уж точно бледную кожу Измерителя не покроет голубая паутина вен.

Томас снова едва сдержался, чтобы не улыбнуться во все тридцать два. Отсутствие магии настораживало и пугало обычных людей, но у Измерителей вызывало искреннюю радость, ведь для них волшебство было ядом, переизбыток которого запросто мог убить. Сам Томас с радостью предпочел бы очутиться в месте, где чародейство отсутствует в принципе, но прекрасно понимал, насколько несбыточны подобные мечты. Магия давным-давно пропитала город насквозь, магия жила в темной подворотне и в просторном зале лучшего городского ресторана, в мэрии, на почтовой станции и даже на чердаке заброшенного дома. Магия обитала повсюду, и многие попросту не представляли себе жизнь без нее.

Именно поэтому страдающие от волшебства альбиносы воспринимались обществом как белые вороны или, того хуже, цирковые уродцы над которыми очень весело потешаться. Увы, некоторые Измерители, соблазненные хрустящей банкнотой, охотно подтверждали это реноме выступлениями на банкетах и светских раутах. Там эти горемыки, закусив губы до крови, жонглировали артефактами и демонстрировали гогочущей публике свои изможденные бледные тела, покрытые замысловатыми рисунками светящихся голубых вен. Сам Томас никогда не понимал подобного унижения. Одно дело — измерять уровень магии, и совсем другое — истязать себя на

радость толпе. Тот, кто скажет, что это лишь еще один способ заработать, просто не понимает, какие муки испытывает альбинос от контакта с любым мало-мальски серьезным артефактом.

— Прошу, входите! — воскликнул Зарянски и, спрятав ключи обратно в карман мантии, отступил в сторону.

Старик заметно нервничал: в волшебных лампах была вся его жизнь. Потерять джиннов — значит вылететь из бизнеса, причем моментально, ведь после такого удара устоять на ногах могли только единицы, и Мортимер вряд ли входил в их число. Томас это прекрасно понимал и искренне сочувствовал бедняге Зарянски.

«Торговать артефактами — это все, что он умеет, а учиться чему-то новому, пожалуй, уже поздновато... Пусть ему повезет...»

— Я вхожу, — зачем-то сказал альбинос и, быстро выдохнув, резко распахнул дверь.

Последние сомнения отпали: в хранилище царила истине гробовая тишина. Обычно джинны галдели без умолку, разговаривали сами с собой и друг с другом, бранились, шутили и пели на разные лады... но сейчас все они молчали.

«Ощущение, будто я на кладбище, — с грустью подумал Измеритель. — Сколько здесь было? Полсотни? Больше? А теперь никого.»

Задумчиво покусывая нижнюю губу, Томас подошел к ближайшему стеллажу и потянулся к лампе, лежащей на самом краю пыльной полки. Пальцы обняли носик лампы без каких-либо последствий; все, что почувствовал Измеритель, — это тепло металла: в хранилище было немного жарче, чем в иных комнатах, потому что оно находилось в западной части дома.

— Ну что? — быстро облизав губы, спросил Мортимер.